

Джону, Саймону и Джозефу

Благодарности

На протяжении нескольких лет этот проект получал поддержку со стороны ряда организаций, кураторов и коллег, а также моих друзей и семьи.

Исследовательская часть проекта была выполнена при поддержке Американского совета по международным исследованиям и обменов (*IREX*), Совета по исследованиям в области социальных наук, различных подразделений Университета Мичигана, включая магистратуру Рэкхэма, исторический факультет, Центр исследований России и Восточной Европы, Институт женских и гендерных исследований. Во время работы в Международном университете Флориды в Майами я получила щедрую поддержку со стороны ректората и Колледжа искусств и наук при историческом факультете.

Идея написания работы по истории российской маскулинности впервые возникла зимой 1993 года на дипломном семинаре Билла Розенберга в Энн-Арборе. С тех пор неизменными источниками поддержки и вдохновения для меня выступали научные руководители моей диссертации Джейн Бёрбэнк и Билл Розенберг. Отдельную благодарность хотелось бы выразить Кэтлин Кэннинг, Валери Кивельсон и Эбби Стюарт.

В России я получила столь необходимые мне рекомендации от сотрудников множества архивов и библиотек, включая Российский государственный исторический архив (РГИА), Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), Государственный исторический музей (ГИМ) и Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Хотелось бы выразить особую признательность Ольге Вайнштейн и Лене Вейнтрауб за дружбу, общение и прак-

тические советы во время моих визитов в Москву и Санкт-Петербург.

Среди тех, с кем на протяжении многих лет меня связывают товарищество, дружба и интеллектуальное общение, отдельно отмечу таких людей (хотя этот список никоим образом не является исчерпывающим), как Кейт Браун, Джейн Бёрбэнк, Кэтлин Кэннинг, Барбара Клеменц, Дебора Коэн, Пол Деслэндес, Дэн Хили, Лара Кригель, Стефен Ловелл, Джон Моугал, Карен Петроун, Дебби Филд, Эми Рэндалл, Джон Рэндолф, Билл Розенберг, Элисон Смит, Эбби Стюарт, Ольга Вайнштейн, Лена Вейнтрауб, Мэри Уилер, Кирстен Вуд и особенно Кристин Макгуайр, которая была рядом со мной до своей трагической смерти. Отдельные части рукописи в различных вариантах прочли, дав ценные советы, Джейн Бёрбэнк, Дэн Хили, Изабель Халл, Алан Кейхэн, Катриона Келли, Стефен Ловелл, Джон Моугал, Дэвид Рэнсел, Билл Розенберг, Ричард Стайтс и Кирстен Вуд, и я признательна за их рекомендации. Среди сотрудников издательства *Palgrave Macmillan* с благодарностью отмечу вклад Лусианы О'Флаэрти, Дэниела Баньярда и еще одного рецензента, пожелавшего сохранить анонимность. Кроме всех перечисленных выше коллег, я благодарна множеству моих друзей и товарищей по работе из Сёрфсайда (Майами), сотрудникам исторического факультета и гуманитарной программы Международного университета Флориды. Кроме того, я с большим удовольствием приняла помощь Раисы Кирсановой при подготовке иллюстрации для супербложки книги.

Наконец, я благодарна семьям моих родителей и мужа (Максу и Эллен Фридманам, Соне Фридман, Джерри, Сэму и Анджелу Уэйнхаусам, Джеку Глэйзеру, Луису и Кэти Моугалам, Джеффу Моугалу, Патти Пейдж, Джуди Моугал, Дэнни, Илоне, Ханне и Джошу Крамерам) за все вдохновение и столь необходимую возможность отвлекаться от забот на протяжении многих лет. Я посвящаю эту книгу Джону, Саймону и Джозефу Моугалам, которые были рядом со мной в течение работы над книгой и как-то терпели меня все это время.

Все допущенные ошибки, разумеется, лежат на совести автора.

* * *

Отдельные фрагменты этой книги выходили в виде самостоятельных публикаций. Издательство *Palgrave Macmillan* и журнал *The Russian Review* любезно позволили мне воспроизвести их здесь. Все переводы с русского языка в книге, за исключением отдельно указанных источников, выполнены автором¹.

Сёрфсайд, Флорида, июль 2004 года

¹ При переводе книги все основные цитаты были сверены по первоисточникам на русском языке. Переводчик признателен автору за помощь с предоставлением фрагментов, отсутствующих в сетевом доступе. — *Прим. пер.*

Введение

Пересмотр прежних нарративов: маскулинность и самодержавие в XIX веке

Ностальгически вспоминая дни учебы в Казанском университете в 1840-х годах, педагог и публицист Николай Овсянников¹ писал, что университет представлял собой «заветную мечту каждого юноши»: «Молодой человек инстинктивно чувствовал, что здесь, в университете, он получит все, что ему надобно для последующей его сознательной жизни» [Овсянников 1909: 469].

Другому автору студенческих воспоминаний университет казался «очарованным островом среди моря... В стенах университета совершалось крещение духом» [Михайлов 1899: 400].

Еще один бывший студент Московского университета, знаменитый правовед Борис Чичерин вспоминал, что поступление в это заведение было первым значительным успехом в жизни, успехом тем более важным, «что им обозначалось вступление в новый возраст»: «Миновало детство... Мы выходили уже из-под крыла родителей и становились взрослыми людьми... С какой гордостью надели мы синий воротник и шпагу, принадлежность взрослого человека!» [Чичерин 1991: 26].

¹ Николай Овсянников (1834–1912) после окончания Казанского университета был учителем в Нижнем Новгороде, затем опубликовал ряд сочинений по истории Поволжья, а также цитируемые автором «Записки о Казанском университете». — *Прим. пер.*

Авторы подобных мемуарных свидетельств, учившиеся в российских университетах в первой половине XIX века, вспоминали студенческие годы как время своего становления. В университетах у молодых людей формировались прочные интеллектуальные и идеологические взгляды, там они вступали на путь верной службы государству или революционной оппозиции, завязывали дружеские отношения на десятилетия вперед. Разумеется, университет задавал разные интеллектуальные, политические и личные траектории для своих выпускников, но вне зависимости от того, к чему они в итоге пришли, бывшие студенты вспоминали об университете как о месте, где состоялось их возмужание.

В этой книге (прежде всего на материале Казанского, Московского и Санкт-Петербургского университетов) будут рассмотрены представления о маскулинности, с которыми студенты сталкивались и которые формировали сами за три-четыре года учебы в университете. Мы обратимся как к самому университету в качестве формальной структуры, так и к занятиям и взглядам его студентов и руководства — «населения» университета. Акцент при этом будет делаться не на какой-то отдельной группе университетских студентов — будущих радикалах, реформаторах или бюрократах, — а на общем опыте нескольких поколений молодых российских мужчин в ключевой момент их жизни.

В центре этой книги — правление Николая I (1825–1855), период, традиционно считающийся апогеем российского самодержавия. В течение этих трех десятилетий российские власти превратили университет в инструмент взращивания послушных и респектабельных мужчин — идеальных служащих авторитарного государства. Но даже несмотря на то, что студенты в процессе обучения свыкались с ролью должностных лиц, как того требовали университетские регламенты, они одновременно создавали собственные социальные пространства, формировали и транслировали личные маскулинные идеалы, которые часто противоречили официальным предписаниям. Даже на пике самодержавного контроля эти люди были «творцами собственной

судьбы»². Рассмотрев, как в процессе взаимодействия различных субъектов — правительственных чиновников, университетского руководства и самих студентов — формировалось представление о маскулинности, мы сможем лучше понять ключевые аспекты российской истории в преддверии Великих реформ Александра II.

Маскулинность в Европе Нового времени

В рамках исследований, посвященных России, история маскулинности до недавнего времени была сферой, которая не вызывала внимания авторов, а исследования маскулинности в России, появившиеся в последние годы, как правило, были сосредоточены на советском и постсоветском периодах³. Однако во многих исторических работах, посвященных другим европейским обществам XIX века, изучение маскулинности с опорой на более масштабное поле гендерных исследований обрело заметное присутствие. Эти работы могут послужить подходящей отправной точкой для рассмотрения российского опыта.

Историки и теоретики гендера продемонстрировали, что нормы маскулинности и феминности никогда не являются монолитными, напротив — они включают в себя порой противоречивые, а порой взаимодополняющие импульсы⁴. Под влиянием

² Вместе с Дэном Хили мы приходим к схожему утверждению в заключении к коллективной работе [Clements et al. 2002: 223–235].

³ См. два опубликованных незадолго до выхода этой книги сборника работ, посвященных изучению маскулинности: [Clements et al. 2002] и [Ушакин 2002]. К работам, где маскулинность в имперский период российской истории исследуется в ином контексте, относятся: [Engelstein 2000] и [Paert 2003]. Кроме того, расширяется сфера исследований сексуальности в России, см. [Naiman 1997; Healey 2002; Costlow et al. 1993].

⁴ К такому утверждению приходят историки, социологи и литературоведы. В частности, социолог Р. У. Коннелл указывает на множественные разновидности маскулинности в работе [Connell 1995]. См. также [Smith 2002]. На немецком материале см. очень интересную статью Штефана-Людвига Хоффманна [Hoffmann 2001].

феминистской теории истории гендера, как правило, отрицают натуралистические, трансисторические понимания маскулинности и феминности, вместо этого рассматривая способы трансформации гендерных идеологий в пространстве и во времени. Отвоевав независимость у биологического пола, гендер «стал пребывающей в свободном плавании конструкцией», подверженной изменению со стороны «индивидов, групп, институтов и обществ» (см. [Butler 1990: IX] и [Gardiner 2002: 11]).

В работах по европейской истории, основанных на таких теоретических построениях, подчеркивается, что маскулинность, как и феминность, обладает собственной историей. Историки дали объяснение трансформирующейся и вызывающей споры природе ожиданий общества относительно того, что именно формирует подлинную мужественность (*manliness*) — от древнегреческого образа гомоэротической привязанности до буржуазного идеала, в котором сочетаются физическая сила и привязанность к дому⁵. В этих работах меняющиеся представления о маскулинности связываются не только с феминностью, но и с масштабными социальными, экономическими и культурными механизмами наподобие возникновения новых социальных групп, рождения наций, изменений политических идеологий и взаимоотношений между государством и обществом⁶.

Исследователи Европы Нового времени не единожды подчеркивали, что в начале XIX века происходят глубокие изменения гендерных норм⁷. В частности, они предположили, что в самом начале XIX века монархи, государства нового типа и социальные

⁵ Вопрос о древнегреческой гомосексуальности рассматривается в работах Дэвида Халперина: [Halperin 1990] и [Halperin 1989]. О характерной для среднего класса привязанности к дому см. работы Джона Тоша, в том числе его монографию [Tosh 1999].

⁶ К особенно ценным образцам такого подхода относятся следующие работы: [Hull 1996; Mosse 1985; Nye 1998; Tosh 1999].

⁷ Корпус работ на эту тему уже необъятен и постоянно расширяется. В качестве примеров можно привести такие исследования: [Mangan, Walvin 1987; Mosse 1985; Nye 1998; Roper, Tosh 1991; Hull 1996].

институты находились в процессе выработки «контракта» о контроле над формированием социальных идентичностей, включая трансформацию гендерных норм. Изабель Халл описывает, как в германоязычной Центральной Европе XVIII–XIX веков абсолютистские государства стали не только «ослаблять [свою]... монополию на общественную жизнь», но и присматривать за созданием независимого гражданского общества [Hull 1996: 1]⁸. По мере сокращения контроля над жизнью своих подданных политические режимы больше не пытались оставить за собой исключительные полномочия в регулировании и формировании поведения людей⁹. В возникающем пространстве гражданского общества — от добровольных ассоциаций до СМИ — группы мужчин, представлявших средние слои социума, выражали собственные представления о респектабельности и морали. Мужчины-подданные становились мужчинами-гражданами по мере того, как они начинали формировать свои социальные и гендерные нормы¹⁰. Таким образом, в XIX веке

⁸ Историки, занимающиеся более поздними периодами, стали обращаться к этому вопросу и в российском контексте. О «торге» между государством и профессионалами см., в частности, в работах [Engelstein 1993] и [Burbank 1995].

⁹ В германских университетах, которые контролировались государственными кругами в гораздо большей мере, нежели университеты во Франции или в Англии, механизмы контроля над социальной жизнью студентов к началу XIX века стали ослабевать. Эти университеты, которые никогда не занимались выработкой норм поведения студентов столь же жестко, как российские, начали двигаться к большей формальной автономии от государства. И, хотя степень автономии различалась от одного германского государства к другому, при основании Берлинского университета в 1810 году Вильгельм фон Гумбольдт опубликовал меморандум, предполагавший более значительную дистанцию между государством и университетом. Эта меняющаяся динамика рассмотрена в работе [McClelland 1980]. О гендерной специфике элит в германских университетах см. [Mazon 2003].

¹⁰ Изабель Халл описывает, каким образом по мере ослабления ряда контрольных функций государства в отношении дисциплины его подданных «отдельно взятый гражданин теперь выступал учредителем гражданского общества» [Hull 1996: 5]. Этот гражданин, добавляет Халл, «являлся женатым гетеросексуальным мужчиной».

состоялось рождение новой гегемонистской нормы респектабельной маскулинности, проистекающей изнутри институтов гражданского общества и связанной со снижением роли государства¹¹.

Исследователи указывали, что этот новый мужчина XIX века определенно являлся порождением возникающего среднего класса¹². Данная респектабельная маскулинность была одним из способов, при помощи которых представители буржуазии самоопределялись по отношению как к излишества аристократии, так и к «мерзостям» трудящихся классов. Теоретически предполагалось, что достойный буржуазный мужчина блюдет свои манеры и моральный облик, является скромным, чистоплотным, вежливым и умеет контролировать себя, в особенности свои сексуальные желания. Кроме того, основанием его мужественности (*manhood*) был статус мужа и отца в сфере домашней жизни [Tosh 1999; Tosh 1994]. Власть этого нового мужчины из среднего класса викторианского типа проистекала — и утверждала его маскулинность — из институтов социальной, политической и домашней жизни¹³.

¹¹ Р. У. Коннелл подчеркивает, что по меньшей мере в европейских и североамериканских обществах существует особая форма маскулинности, которую она именуется термином «гегемонистская маскулинность», «превозносимая» социумом и отражающая принятый «гендерный порядок» того или иного времени [Connell 1995: 77].

¹² О респектабельной маскулинности в Англии XIX века см. [Hall 1992], а также работы [Davidoff, Hall 1987; Tosh 1999; Rose 1992].

¹³ Роберт Най на французском материале показывает, как гендерные нормы могли определяться одной социальной группой и усваиваться другой. Апробация гендерных норм предполагает не только изменение природы маскулинности, но и определенную степень способствующей этим изменениям агентности, которой наделены социальные группы и конкретные исторические субъекты. В частности, Най рассматривает, каким образом аристократический кодекс мужской чести с его дуэльными церемониями и ритуалами трансформировался мужчинами из средних слоев социума и использовался для укрепления их гендерного статуса в меняющемся мире [Nye 1998: 8].

За поведением российского мужчины начиная с эпохи Петра Великого, правившего в 1682–1725 годах, и далее, на протяжении XVIII–XIX веков, в той или иной степени присматривало государство. Российское государство Нового времени активно пыталось регулировать поведение своих элит при помощи институциональных, правовых, а в некоторых случаях и принудительных мер¹⁴. Введенные Петром предписания, касающиеся одежды, и запрет на ношение бороды были предназначены для того, чтобы помочь России превратиться в современное государство с элитой по западному образцу. Впрочем, попытки Петра сформировать новую модель поведения высших слоев были сосредоточены в основном на внешних атрибутах. Екатерина II, правившая в 1762–1796 годах, тоже полагалась на закон и полицию в попытках создать утонченную вестернизированную элиту. Но, в отличие от Петра, ее интересовало и развитие «внутренних механизмов регулирования поведения» при помощи образовательных инициатив и распространения литературы о надлежащем поведении. Под руководством Екатерины «население России должно было не только находиться под контролем самодержавия, но и осуществлять самоконтроль» [Kelly 2001: 9].

Александр I, правивший в 1801–1825 годах, сосредоточился на создании новых институтов для формирования поведения и возвращения социальной идентичности людей, которые будут служить на важных государственных должностях. В рамках этих усилий по подготовке большего количества молодых людей на ключевые посты для гражданской службы Александр в 1804 году расширил университетскую систему, а в 1811 году основал Царскосельский лицей (см. [Kelly 2001: 32–42]). В этих учреждениях молодых людей учили быть честными и вежливыми. В то же время Александр никогда не осуществлял полный автократический контроль над новыми образовательными институтами, дозволит определенную степень автономии в учебных программах и личных делах. Кроме того, в первые десятилетия XIX века

¹⁴ Об этих механизмах см. великолепную работу Марка Раева [Raef 1984].

представители светского общества могли черпать советы и руководства к действию и из других источников: они читали различную программную литературу, значительная часть которой попадала в Россию из Европы, и участвовали в структурах нарождающегося гражданского общества — от салонов до более формальных литературных обществ¹⁵. Это сочетание институциональной автономии и доступа к идеям, проникающим из полуавтономных сфер, включая прессу и литературные кружки, указывает на то, что в приоритеты самодержавия не входил полный контроль над воспитанием молодежи.

Николай I, напротив, формально не предоставлял никакой подобной автономии. Вооруженный романтическим убеждением, что самодержавие является единственной естественной легитимной формой правления для России, Николай стремился контролировать проявления автономии, укреплять автократию и обеспечивать ее устойчивость. Не доверяя институтам и их потенциалу в создании гибридных форм лояльности, Николай посвящал свои силы возвращению благонадежных индивидов. Он одновременно и создавал новые институты, и использовал имевшиеся у режима структуры принуждения для формирования достойных доверия мужчин, которые будут пополнять ряды его бюрократии и посвятят себя службе царю и Отечеству¹⁶. Формирование послушного и респектабельного российского мужчины находилось в центре николаевского проекта строительства государства¹⁷.

¹⁵ О светском обществе эпохи Александра I см. [Todd 1986] и [Лотман 1994]. Об университете первой половины XIX века см. [Flynn 1988].

¹⁶ Ричард Уортмен утверждает, что Николай пытался не допустить появления «духа профессиональной бюрократии» [Wortman 1995–2000, 1: 322].

¹⁷ Историк Николай Рязановский по поводу значимости конкретных лиц для Николая I и его философии власти утверждает, что «монарх любил мыслить с точки зрения индивидов, а не институтов или правовых абстракций» [Riasanovsky 1969: 199].

Николай I и «цивилизующая миссия»

Царствование Николая I началось с подавления восстания декабристов — слабо организованного выступления группы представителей высшей офицерской элиты России после смерти его старшего брата Александра I в 1825 году. Восстание декабристов стало травмой, которая, несомненно, омрачила первые годы его правления, на протяжении которого Николай предпринял ряд мер, чтобы предотвратить повторение подобного события, создав механизмы надзора и цензуры. Наиболее известной из этих мер стало учреждение Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, первой в России политической полиции, непосредственным руководителем которой был сам Николай [Monas 1961].

Но репрессии были не единственным инструментом, который царь использовал для укрепления самодержавного государства. При Николае российское государство проявляло активный интерес не только к подавлению инакомыслия и мятежей, но и к формированию ценностей и поведения своих подданных в позитивном ключе. Ни одна группа не привлекала к себе такого внимания монархии, как молодые представители элиты, в которых видели как будущих лидеров растущих рядов российской гражданской бюрократии и вооруженных сил, так и потенциально губительный источник беспорядков. Контролируя под угрозой наказания гендерное развитие своих будущих слуг, самодержавие стало главным двигателем того, что Норберт Элиас применительно к Западной Европе назвал процессом цивилизации [Элиас 2001]. Вместо того чтобы отказаться от контроля над нравственным воспитанием своих подданных, как это происходило в других странах Европы, николаевский режим предпринял целенаправленные усилия по привитию своим будущим слугам официального идеала маскулинности.

Сам Николай служил образцом маскулинной внешности и поведения. По общему мнению, царь был запоминающейся фигурой: еще при рождении он поразил свою бабушку Екатерину Великую необычайными размерами и силой. По словам им-

ператрицы, «его рост был чуть больше двух футов», а руки были «лишь немного меньше моих» (цит. в: [Lincoln 1989: 49]). Во взрослом возрасте за Николаем отмечали «особенную мужественную красоту» [Wortman 1995–2000, 1: 312]. Ростом шесть футов и два или три дюйма [порядка 1,85 метра], широкоплечий, с подстриженными усами, Николай напоминал современникам богатыря [Wortman 1995–2000, 1: 312] — легендарного русского воина, а французский путешественник маркиз де Кюстин вспоминал его как человека «на полголовы выше среднего роста» с «идеальным греческим профилем» [де Кюстин 2000: 197]. Один автор мемуаров, в молодости учившийся в кадетском корпусе, вспоминал, как в день, когда Николай посетил его учебное заведение, он воочию увидел «мощную фигуру государя» и услышал незабываемый голос императора с его поразительной силой [Коломнин 1895: 519].

Как убедительно показывает Ричард Уортмен, примерно в это время европейские правители превращались из неприкосновенных ангельских созданий наподобие Александра I в «образцы человеческого поведения и скромной добродетели, которыми должны восхищаться их подданные» [Wortman 1995–2000, 1: 247]. Более не «возвышаясь над обыденностью», подобно Александру I, Николай предстал перед своими подданными как смертный, которому можно подражать. Историки и современники соглашались с тем, что Николай создавал о себе представление как о человеке, обладавшем единством целей и железной воли, который получал наибольшее удовольствие от того, что занимался военными упражнениями или инспектировал своих подданных¹⁸. В работах различных исследователей часто цитируется следующее высказывание Николая, восхищенного прусской армией, которое демонстрирует устойчивое представление о царе как человеке парадного плаца:

¹⁸ В этом плане Евгений Пресняков сравнивает Николая с Иваном Грозным: «Личная дружина членов государевой свиты становилась “опричниной” Николая, выделенной не только из общественной, но и из служилой среды» [Пресняков 1925: 55].

В прусской армии никто не приказывает, прежде чем сам не научится повиноваться; никто без законного основания не становится впереди другого; все подчиняется одной определенной цели, все имеет свое назначение: потому-то мне так хорошо среди этих людей, и потому я всегда буду держать в почете звание солдата. Я смотрю на всю человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит [Пресняков 1925: 14].

Высказывания современников Николая подтверждают, что этот портрет царя соответствовал действительности. Например, начальник Третьего отделения Александр Бенкендорф писал, что «развлечения государя со своими войсками» были «единственным и истинным для него наслаждением» [Пресняков 1925: 11].

Однако ампула специалиста по муштре было лишь одной стороной личности, которую Николай демонстрировал своим подданным. Публичный образ Николая и его семьи — то, что Уортмен назвал династическим сценарием, — был основан на картине домашнего блаженства царской семьи. Идеология его правления изобиловала сценами европейского домашнего очага: царь представлялся в качестве *pater familias* [отца семейства — лат.] — как для собственной семьи, так и для всех российских подданных¹⁹. Наблюдатели отмечали, как Николай смягчался в присутствии своей семьи. Маркиз де Кюстин, например, указывал, что парадная суровость Николая по большей части исчезала в обществе его жены и детей: «...в сердце родителя и супруга... вспыхивают искры доброты», и тогда «лицо его, преображенное этой приветливостью, предстает перед окружающими в своей античной красе» [де Кюстин 2000: 197].

Пример, подаваемый царем, конечно, был далеко не единственным средством, которым располагало российское государство для формирования манер и морали молодых людей. Еще одним мощным инструментом была контролируемая властями пресса. До 1848 года, когда по всей Европе прокатились революции,

¹⁹ Этот момент подробно рассматривает Уортмен в главах 9 и 10 первого тома своей работы «Сценарии власти» [Wortman 1995–2000, 1: 256–332].

в обеих российских столицах, Москве и Санкт-Петербурге, наблюдался относительный расцвет журналистики. Наряду с высокой литературной культурой, возвращенной на страницах новых «толстых» журналов²⁰, возникла и официозная печать. Самыми тиражными и популярными среди множества поддерживаемых государством изданий была «Библиотека для чтения», которую можно сравнить с американским журналом *Reader's Digest*²¹, и выходившая три раза в неделю, а затем и ежедневно газета «Северная пчела». Эти издания пользовались благосклонностью властей, а руководила ими печально известная тройца консерваторов-подхалимов — Николай Греч, Фаддей Булгарин и Осип Сенковский, каждый из которых был тесно связан с правящим режимом²².

Очерки, рассказы и разнообразные авторские комментарии, публиковавшиеся в этих получивших широкое распространение изданиях, воспроизводили идеологический акцент властей на православие, самодержавие и народность в виде простых и прямолинейных нравоучительных историй, в центре которых нередко находились вопросы надлежащего формирования социальных и гендерных ролей. Эти публикации на самые разные темы — от

²⁰ На годы правления Николая пришелся настоящий бум литературных и философских изданий. Основными площадками для обмена идеями были появившиеся в 1830-х годах ежемесячные «толстые» журналы, такие как «Современник» и «Отечественные записки». Стоит отметить, что к этой группе изданий причислялась и «Библиотека для чтения», несмотря на ее поддержку в кругах приближенных к царю чиновников.

²¹ «Библиотека для чтения», редактором которой являлся бывший профессор Санкт-Петербургского университета и государственный цензор Осип Иванович Сенковский, предоставляла своей аудитории возможность ознакомиться с широким кругом авторов и тем (собственно, поэтому она и сопоставима с *Reader's Digest*): от серьезных литературных произведений до актуальных подборок парижской моды. Журнал пытался, как отмечает историк Гэри Маркер, «определить и сформировать русскую публику» своей эпохи [Marker 1985: 101].

²² В 1830-х годах «Северная пчела» могла похвастаться аудиторией в 7000 читателей, такой же круг читателей был и у «Библиотеки для чтения» на пике ее популярности в 1837 году (см. [Rudd 1982: 74]).

историй об испытаниях и о невзгодах брака, любовных сюжетов и очерков из профессиональной жизни до заметок с советами о том, как надо питаться, одеваться и вести себя, — предоставляли читателям образцы официальных ценностей и респектабельного этикета.

Публицистические произведения морального толка, печатавшиеся в ежедневных изданиях, были посвящены примерам правильного и неправильного поведения, от мелочей в одежде до предписаний по служению Отечеству. Добропорядочного гражданина / подданного мужского пола учили быть скромным в своих вкусах и верным Отечеству, Богу и близким. В одной из подобных колонок под названием «Жизнь», опубликованной в 1827 году, вышедший из юношеского возраста мужчина описывался следующим образом: «Он человек, гражданин; он хочет быть полезным человечеству, отечеству; хочет трудиться для общего блага» (Северная пчела. № 51. Апрель 1827. С. 4.). Скромность — «бесценная добродетель» и «быстрое и неявное движение души» — фигурировала во многих подобных заметках как необходимое качество для мужчин, которые постоянно подвергались искушению вести себя высокомерно и гордо (Северная пчела. № 36. 24 марта 1827. С. 3–4.)²³. Авторы подобных статей регулярно наставляли мужчин, как вести себя прилично и быть хорошими сыновьями, отцами и мужьями, а также послушными россиянами²⁴.

²³ Оба цитируемых фрагмента принадлежат перу Фаддея Булгарина, который вел в «Северной пчеле» раздел «Нравственность». — *Прим. пер.*

²⁴ Читатели этих популярных периодических изданий также могли узнать о надлежащей — а еще чаще о ненадлежащей — роли женщин. Например, Сенковский в опубликованном в самом первом номере «Библиотеки для чтения» произведении под заголовком «Вся женская жизнь в нескольких частях» перечислял естественные различия между женщинами и мужчинами. Гендерные различия изображались как натуральные, характерные и необязательно взаимодополняющие. «Душа женщины сладка, мягка, благовонна, легка, прозрачна, хрустальна» и «насыщена любовью». Напротив, «душа мужская — душа смелая, гордая, сильная, брыкливая, жадная крови... душа без страха, без врожденного стыда» (Библиотека для чтения. № 1. 1934. С. 33).

Во многих случаях эти уроки представляли в виде индивидуальных примеров для подражания. Например, в поучительной повести 1826 года под названием «Урок фанфаронам и ветренникам» высокомерному, носящему лорнет юноше Харитону дает суровое наставление его пожилой дядя Архип Фаддеевич (Северная пчела. Вып. 50. 27 апреля 1826. С. 2–4.). Харитону, претендующему на наследство, для его получения требовалось принципиально изменить свое поведение и стать таким же патриотом и достойным русским мужчиной, как его уважаемый и благопристойный дядюшка. Ну а если Харитон не прислушается к его советам, он окажется без гроша в кармане. Вот что должен был делать Харитон:

- вести себя прилично и воздерживаться от хвастовства в стиле франтоватых денди;
- доказывать, что он искренне и страстно любит свое Отечество и будет честно и ревностно служить государю;
- выполнять все обязанности по-настоящему верующего человека;
- не уклоняться от обязательств;
- с уважением относиться к изучению наук и русской философии, что позволит ему стать незаменимым должностным лицом.

Наконец, дядя Архип Фаддеевич настаивал, чтобы племянник сменил написание своего имени на визитной карточке с французского на русское (Северная пчела. № 50. 27 апреля 1826. С. 2–4.). Иными словами, Харитон должен был отказаться от поверхностно усвоенных европейских манер и стать благопристойным русским мужчиной.

Достойный сожаления Харитон был, конечно, не единственным подобным примером: читатели изданий наподобие «Библиотеки для чтения» могли ознакомиться и с более положительными — и маскулинными — образцами для подражания. Одним из таких вымышленных героев был некий Иван Степанович, который служил в армии, воевал, дошел до Франции, а после войны вернулся домой в глубинку, где его с радостью встретили родители. Вскоре после этого он удачно женился (у жены было

солидное приданое), затем стал отцом нескольких детей. В истории говорилось о том, как во время торжества по случаю именин Иван Степанович и его семья отдавали дань простым радостям гостеприимства и обычаев русской провинции, вкушали традиционную пищу и долго отдыхали за столом (Северная пчела. № 51. Апрель 1827. С. 4.). Дома этот герой ощущал себя как рыба в воде, обзаведясь положением кормильца и главы семьи, выполнившего свой долг перед государством. Преданность, простота и благопристойность — такие атрибуты маскулинности проповедовались на страницах официальных изданий.

Кроме того, Николай и его чиновничий корпус пытались добиться ключевых целей самодержавия и сформировать идеальных подданных при помощи расширения организационной базы военных школ империи и надзора за моральным становлением ее будущих полководцев. Из всех военных учебных заведений России самым крупным и все более востребованным среди представителей элиты был Кадетский корпус, где готовили будущих офицеров²⁵. Кадеты, возраст которых варьировался от 10 до 18 лет, обычно учились четыре года и получали масштабную образовательную подготовку в духе ценностей Просвещения в сочетании с интенсивной военной тренировкой. Сам Николай в 1838 году участвовал в переработке военных уставов, задачей которых было управление сознанием, моралью и телом будущих представителей военной элиты империи [СВП 1838: гл. 1–3]²⁶. В этих кодексах были подробно прописаны процедуры, регулирующие повседневную жизнь кадетов — от ношения усов (ниже

²⁵ Из всех российских военных учебных заведений, таких как элитный Пажеский корпус, Дворянский полк, Школа гвардейских подпрапорщиков (Николаевское кавалерийское училище), инженерно-артиллерийские школы и кадетские корпуса, именно последние представляли собой самую крупную и престижную сеть. В 1825 году в структуре кадетских корпусов насчитывалось пять учебных заведений, 400 инструкторов и 5300 учеников, а к 1855 году было уже 23 учебных заведения, 1400 инструкторов и 8300 учеников, см. [Curtiss 1965: 179–80].

²⁶ В особенности см. гл. 3 кн. 4 «Об общем физическом, моральном и умственном воспитании учащихся», с. 176.

мы еще поговорим о том, почему это была немаловажная деталь) до температуры в общежитиях. Такие культивируемые государством ценности, как умственная и физическая сила, моральная и религиозная дисциплина, воспитывались и в классной аудитории, и на плацу, и в общежитии.

К молодым людям, учившимся в кадетских корпусах, Николай питал особую симпатию. Один из авторов мемуаров утверждал: «Посещения царя были для нас [кадетов] праздниками, мы с детской привязанностью беззаветно любили его» [Ушаков 1915: 99]. Император не только гарантировал, что в системе обучения кадетов будут собраны квалифицированные преподаватели военного дела и гуманитарных дисциплин, предлагая наставникам отличное жалованье и другие преимущества, но и часто навещал кадетов. Руководить системой кадетских корпусов император назначил своего брата, великого князя Михаила Павловича, а для будущих офицеров выступал в роли отца и попечителя. Как-то на церемонии выпуска из одного из самых престижных военных училищ России царь собрал группу специально отобранных учащихся и поздравил их с тем, что вскоре они станут офицерами императорской армии. Оказалось, что один из молодых людей носил фамилию Романов, как и сам царь. Николай шуточно поинтересовался у молодого выпускника: «Ты мне родня?» Кадет ответил: «Так точно, Ваше Величество... Вы отец России, а я сын ее». Обрадованный Николай улыбнулся и поцеловал кадета Романова: «Вот тебе поцелуй от твоего дедушки» [Рот 1912: 241]. Николай, его супруга, брат и сыновья способствовали тому, чтобы кадеты считали себя «членами императорской семьи» [Wortman 1995–2000, 1: 315]. Как и студентам университетов, будущим офицерам Николай служил образцом для подражания, был покровителем и отцом.

Университет имел столь же большое значение для формирования гражданской элиты России, как кадетские корпуса для воспитания высших военачальников. Миссия обоих типов учебных заведений в николаевском обществе заключалась в том, чтобы снабдить молодых людей надлежащими манерами и моралью, которые они должны были демонстрировать после

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru